

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ КНИГИ ЛИРИКИ РЮРИКА ИВНЕВА «СОЛНЦЕ ВО ГРОБЕ»

Исаев Геннадий Григорьевич, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

С позиций теории текста и контекста анализируются основные виды контекстов книги лирики известного русского и советского поэта Рюрика Ивнева «Солнце во гробе». Особенно подробно рассматриваются исторический, биографический, литературный контексты. Делается вывод о том, что различные виды контекстов Рюрика Ивнева спонтанно, а иногда осознанно были направлены на формирование литературного образа автора, отождествляемого с автобиографическим героем. Темы и мотивы книги концентрируются вокруг гипертрофированно экранированного в тексте «я», становящегося центром поэтического мировоззрения Рюрика Ивнева. Все контексты сложно переплетены и рожают качество стиля, резко выделяющее «Солнце во гробе» на фоне русской поэзии 1920-х гг. и которое можно определить как сюрреализм.

Ключевые слова: имажинизм, Рюрик Ивнев, контекст, типы контекста, автор в литературе имажинизма

TEXT AND CONTEXT OF RYURIK IVNEV'S "THE SUN IN THE COFFIN" LYRICS

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The article analyzes the main types of contexts of the lyrics book, titled "The Sun in the Coffin", by a famous Russian and Soviet poet Ryrik Ivnev, from the point of view of the theory of text and context. Historical, biographic, literary and "detached" context are considered in detail. The author makes a conclusion that various types of Ryurik Ivnev's contexts are either spontaneously or – sometimes – intentionally intended to create the literary image of the author that is identifiable with an autobiographic hero. The exaggerated "I" reflected in the text is the center of gravitation of all themes and motives of the book and becomes the focus of Ryurik Ivnev's worldview. All the contexts are intricately intertwined and give birth to the quality of style that distinguishes palpably "The Sun in the Coffin" against the background of the Russian poetry of 1920s and can be defined as surrealism.

Keywords: imaginism, Ryurik Ivnev, context, types of context, literary image of the author

Введение. Рюрик Ивнев работал в начале 1920-х гг. довольно много и плодотворно. Достаточно назвать книги, которые он опубликовал в это время: романы «Юность» (1912, опубликован в 2011 г.), «Несчастный ангел» (написан в 1913-1914 годах, опубликован в 1917), «Любовь без любви» (1925), «Открытый дом» (1927), «Герой романа» (1928), сборник литературно-критических эссе о поэтах группы «Четыре выстрела» (1921). Кроме того, он участвовал в различных сборниках имажинистов (поэма «Осада монастыря», 1925) и их журнале – статья «Точки над «и», циклы стихов – «Россия» (1923, № 1); «Лирика» (1923, № 2); «Город» (1924, № 3); «Архангельск» (1924, № 4).

В 1921 г. издательство имажинистов напечатало его сборник стихов «Солнце во гробе».

Творчество Рюрика Ивнева первых послереволюционных лет до сих пор остается исследованным весьма поверхностно. Дело в том, что поэт в это время занимает часто весьма сложную общественную позицию, о чем свидетельствует его дневник, опубликованный в полном объеме лишь в 2012 г. Все осложняется его декадентской позицией в начале творческого пути, вхождением до революции в группу эгофутуристов, а затем – имажинистов, эстетическая программа которых разделялась им не в полном объеме. Его сугубо индивидуальный путь в литературе, художественные искания этих лет требуют особо тщательного прочтения.

Первыми к проблемам творчества Рюрика Ивнева этих лет обратились зарубежные слависты – В. Марков [1], Г. Маквей [2], А. Лаутон [3], В. Пиотровский [4], Н. Нильсон [5] и др., которые дали общую характеристику имажинистской поэзии Рюрика Ивнева. Позже появились работы отечественных литературоведов – А. Белых [6], И. Иванюшиной [7], И. Макаровой [8], Е. Тырышкиной [9], Т. Терновой [10; 11]. Естественно, что многие вопросы поэтики Рюрика Ивнева остались вне поля зрения авторитетных ученых. К ним, в частности, относится исследование контекста в стихах имажинистского периода. Цель данной статьи – рассмотрение с позиций теории текста и контекста сборника лирических стихотворений поэта «Солнце во гробе».

1. Текст и контекст в лингвистике и литературоведении. Как считает один из лингвистов, «наиболее существенным для лингвистической теории является выделение двух основных уровней понимания:

1) языкового (первичного кодового), в известном смысле буквального и поверхностного значения текста, выводимого на основе чисто языковых фактов и закономерностей из значений отдельных его составляющих (формальных языковых единиц, как сегментных, так и суперсегментных;

2) глубинного и неязыкового, ситуационного (вторичного кодового) значения текста, т.е. того содержания, которое вкладывал в данный текст автор и которое он выразил через языковое значение, функционирующее как форма выражения ситуационного значения. Для выявления последнего требуются не только языковые, но и неязыковые знания и ассоциации и учет разнообразных факторов речевой ситуации (специфики предметной области, с которой связано высказывание, условий коммуникации, особенностей автора, его представления о реальных или потенциальных реципиентах и т.д.)» [12, с. 5].

Второй уровень понимания сближается с тем, как в литературоведении рассматривается контекст. Это совокупность многообразных связей литературного произведения с жизненными, а также культурными, литературными явлениями, которые так или иначе повлияли на его создание и последующую жизнь во времени. Обычно говорят о двух видах таких связей:

а) синхронические связи, учитывающие контекст самого произведения, контекст творчества, биографический контекст, исторический контекст и историко-культурный контекст;

б) диахронические связи, учитывающие «удаленные контексты» [13, с. 328], литературные традиции, художественный и нехудожественный опыт предшествующих поколений, вечные начала бытия, архетипы, «вечные образы».

Современное литературоведение исходит из того, что текст и «программируемый» им контекст – это неотъемлемые составляющие литературного произведения, идейно-эмоциональное содержание которого невозможно постигнуть вне контекста. Эпизоды или отдельные образы рассматриваются как часть художественного целого, т.е. в контексте произведения, сопоставляются содержательные, стилистические и иные особенности произведения с другими произведениями, фактам биографии писателя, учитывается то, что всякое художественное произведение существует не обособленно, а в широком

контексте. Контекстуальное изучение является одним из необходимых условий научной обоснованности суждений литературоведа по поводу литературного произведения, которое необходимо осмыслить не только как общекультурный феномен, но и как культурное явление, принадлежащее вполне определенной эпохе. Это особенно важно при изучении произведений, в силу тех или иных причин не привлекавших внимания исследователей. Примечательным в этом отношении является сборник лирических стихотворений Рюрика Ивнева «Солнце во гробе», который после первого издания в 1921 г. не переиздавался и не был объектом изучения ученых.

2. «Солнце во гробе» и исторический контекст. Исторический контекст сборника представляют время его создания, исторические события, современником которых был писатель, реальные исторические лица, оказавшие прямое или косвенное влияние на поэта, сам характер эпохи, умонастроения, тенденции общественного развития, дискуссии, политические и иные общественные движения.

Революцию 1917 г. поэт встретил восторженно, его захватила общественно-политическая деятельность. Внешне эта активность выглядит очень убедительно, но если внимательно вчитаться в его поэтические строки, то можно увидеть, как радостная уверенность в правильности перемен в стране переходит в раздумья, а затем и в сомнения. Дневниковые записи Рюрика Ивнева 1918–1925 гг. свидетельствуют о том, что духовно и психологически он жил жизнью предреволюционного десятилетия, смотрел на жизнь с позиций экзистенциализма Л. Шестова, занимал позицию «над схваткой».

В «Солнце во гробе», написанном во время гражданской войны, об историческом контексте можно говорить, опираясь на указания страны, где разворачиваются изображаемые события (Россия, Русь), на дату написания, указанную после текста каждого стихотворения. Поэт намеренно избегает конкретизации, детализации, создает обобщенно-символическую картину «безумия и ужаса» войны вообще, всякой войны, используя при этом гиперболу и гротеск, а также зловещий образ солнца в гробу. Солнце у Рюрика Ивнева – само верховное божество, воплощение его всепроникающей власти, символический центр или сердце Космоса. Оно во время гражданской войны умирает, поэтому Вселенная лишается источника тепла и света. Вслед за Л. Андреевым Рюрик Ивнев в своей книге как бы говорит: «Здоровая война – достояние прошлого; война сумасшедших с сумасшедшими – достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: *безумие и ужас*».

Исторический контекст также обнаруживается через формы:

- а) посвящения (посвящения С. Есенину, А. Мариенгофу, Г. Колобову и др.;
- б) прямые указания времени и места действия в тексте, а также обозначение времени и места создания стихотворения (7 ноября 1920 г. Москва – Петербург, (дорога); февраль 1919 г. Москва; зима 1918 г. Москва; 12 октября 1920 г. Рязань; январь 1920 г. Грузия; май 1919 г., дорога в Крым; октябрь 1920 г., ст. Лиски; 3 мая 1919 г. Киев и др.);
- в) описания реальных исторических событий, фактов, конкретных исторических лиц или упоминания о них в тексте (И. Анненский, Гапон, Распутин, Феодора, Пилат, Христос, Бахлул);
- г) скрытые намеки (аллюзии) на реальные исторические факты, события экономической, политической, культурной жизни, конкретных исторических деятелей («Плещется тень Гапона / В мозгу, как распластанный жук»; «Распутин, убитый князьями...», «Неистовства безумной Феодоры», «Как мне хотелось бы внезапно умереть, / Как Анненский у Царскосельского вокзала», «Ловлю уже оземляневшим ухом / Хруст пальцев опозоренной Марии», «И ты, бушевавший когда-то, / Распятый за злобу людей...», «Целая Азия – верите / Мечется стадом коз», «Верни мне, верни мне черные годы / Моей позорной, жалкой любви»).

3. «Солнце во гробе» и биографический контекст. Поскольку лирика Рюрика Ивнева, как и любого поэта, по преимуществу автобиографична и автopsихологична, присутствие в ней автобиографических элементов в различных формах обязательно. Должны быть исследованы факты биографии и творчества поэта, непосредственно связанные с историей замысла, создания и публикации сборника, а также особенностей личности, темперамента, характера, мировоззрения поэта, его нравственных и эстетических исканий.

Бросается в глаза противоречие между мировоззрением и мирозерцанием поэта, которые в книге «Солнце во гробе» не совпадают. Как указал А.Б. Есин, «мировоззрение логически и понятийно упорядочено» [14, с. 237]. Рюрик Ивнев принял большевистскую революцию и активно сотрудничал с новой властью. Во время гражданской войны он занял совершенно четкую позицию и воевал на стороне Красной армии. Но мировоззрение поэта никак не сказалось на содержании и поэтике книги. Она создавалась в основном с опорой на мирозерцание поэта, которое «опирается на непосредственное чувство художника, включает в себя эмоциональные, иррациональные, подсознательные моменты, в которых человек просто не может отдать себе отчет. Эта стихийная и во многом не контролируемая разумом концепция мира и человека ложится в основу художественного произведения...» [14, с. 237].

Дневник, который Рюрик Ивнев вел на протяжении всей жизни, подтверждает, что в период революции и гражданской войны поэт находился в состоянии экзистенциального кризиса, нашедшего отражение в его стихах из сборника «Солнце во гробе». Записи 1918–1925 гг. свидетельствуют, что его умонастроение по сравнению с дореволюционным периодом почти не изменилось, сохраняется верность экзистенциальным взглядам, сформировавшимся до революции под воздействием философии Л. Шестова. В рамках имажинизма Рюрик Ивнев самый экзистенциальный художник. «Экзистенция» понимается им как независимое существование индивида, его внутренняя субъективная жизнь. Герой поэзии изолируется от внешних процессов и превращается в «субъективного» мыслителя, занятого изучением самого себя. Оправдание тому – человек не может быть «научно» понят, познать его или себя может только художник.

О народе в дневнике сделана запись: «Все-таки, что бы ни происходило в государстве (какие бы свободы ни процветали), человек останется человеком, (т.е. такой же гадиной) и ничего не изменится в человеческом обществе, пока человек не переродится в какое-нибудь иное существо... Мы в «водовороте» этого процесса, некоторые из нас «краешком души» уже вступили в новую плоскость. Только краешком души, а ведь многие даже точечкой своего «я» не прикасались к этой плоскости... И ох, как долго ждать еще «полного перерождения». А пока – гадюки, зверюги, еще страшнее «настоящих» зверюг, потому что те, по крайней мере, без «маскарада», «без масок», а прямо так, как есть...» [16, с. 321].

В том же духе выдержана запись о революции: «Боже мой! Как мне все глубоко омерзительно! Вокруг такая же гадость, как была раньше, пьянство, грубость, пошлость, звериный эгоизм» [16, с. 399]. «Удивительно, до чего мы озверели. Об убийстве людей говорим, как прежде говорили о собаках, кошках, зайцах. Но еще удивительнее, что наряду с чувством негодования (чисто отвлеченного) у меня сладко замирает сердце, меня тянет к таким же людям. И толстовцы мне становятся противны [17, с. 398]. «Если подумать – какой ужас скрыт в милитаризме, под каким бы флагом он ни утверждался, коммунистическим ли или черносотенным.

Миллионы здоровых мужчин отрываются от семей, от близких, от родной своей, освященной воспоминаниями детства, земли и кидаются в города и на поле сражения. На поле сражения они убивают таких же молодых и здоровых мужчин, так же оторванных от своих семей и земли. В городах они отдыхают

от убийств или подготавливаются к убийствам, лодырничают, развратничают, развращают население, разносят болезни, способствуя вырождению человеческого рода.

Ужас! Ужас! Военщина – это бич Божий; это язва, посланная на землю [16, с. 399].

Известно, что стихи для книги были отобраны С. Есениным, с которым Рюрика Ивнева к этому времени связывала крепкая дружба. В сборнике развивались темы, характерные для его ранней поэзии, но под влиянием программы имажинизма они получают утрированное воплощение. Книга имеет в своем составе 25 стихотворений, в которых развиваются темы, широко представленные в раннем творчестве Рюрика Ивнева (сборник «Самосожжение», 1915–1916 гг.): стремление к Богу и отказ от него, тяга к смерти, страдания, боль, угрызения совести, безумие, кровь, Иисус Христос, распятие. В сборнике «Солнце во гробе» доминируют смерть, ужас, звучат апокалиптические мотивы. Установка на самопознание, самораскрытие, осмысление собственного жизненного и духовного опыта сближают сборник с книгами, опубликованными до 1917 г. Наконец тип лирического героя книг имеет много общего.

4. Контекст творчества. На первом плане в стихах Рюрика Ивнева выражение субъективных, чаще всего – мистико-экстатичных состояний лирического героя, пронизанных зашкаливающими эмоциями восторга, ужаса, раздражения, отвращения, тревоги и фрустрации. Это достигается при помощи различных смещений, преувеличений, гиперболизации и упрощений. Впечатления и умственные образы как бы проходят через душу лирического героя как через фильтр, который освобождает их от всего наносного, чтобы открыть их чистую сущность, затем они сгущаются в более общие формы, которые поэт представляет через более простые формулы и символы.

Художественная концепция поэзии Рюрика Ивнева 1919–1924 гг. исполнена фатализма и пессимизма, утверждает дисгармоничность мира и его враждебность человеку. Он сосредоточен на изображении неизбежных страданий, боли и отчаяния отчужденной личности, раскрывает идею: личность изначально беззащитна и обречена.

Основные черты своей концепции Рюрик Ивнев воплотил в лирическом герое книг «Самосожжение» и «Солнце во гробе». Ее герой ощущает себя «повисшим» между бытием и небытием: он ни жив, ни мертв, он находится ни в потустороннем, ни в посюстороннем мире. Экспериментально-фантастические обстоятельства, в которые Рюрик Ивнев ставит своего героя, раскрывают существенные стороны взгляда поэта на человека и самого лирического героя, находящегося во власти экзистенциального страха перед бытием:

Мне страшно оттого, что есть на свете горе...
Мне страшно оттого, что где-то плачет мать.
Мне страшно оттого, что даже волны моря
Умеют по-звериному рычать.

И в час, когда встревожена стихия,
Она, играя пеной кружевной,
Уничтожает жизни молодые,
Смотря на них с улыбкой ледяной.

Мне страшно оттого, что даже солнца счастья
Таит в себе потенциальный мрак.
Мне страшно оттого, что рвется ум на части,
Но смысла жизни не поймет никак [15].

Лирический герой в поэзии Рюрика Ивнева начала XX в. принадлежит к категории творцов авангарда, он – поэт-эгофутурист, в начале 1920-х гг. – имажинист. Это молодой мужчина, в котором сильнее всего проявлены экзистенциальная тревога и эстетическая чувствительность, что в значительной степени определяет и склад его поэзии:

Последний звук и шелест звучный;
Триумф – победа из побед.
Над жизнью мертвенной и скучной
Взлетел мыслитель и поэт [15].

Он берет на себя функцию новатора в поэзии, изобретая новые художественные приемы, которые по своей природе являются нонконформистскими. Как авангардист он бросает вызов общественному мнению и традициям, стремится к разрушению всех возможных ценностей и иерархий, систем и абсолютов, отстаивает свое право на особое видение реальности и понимание задач искусства. Ценностью в поэзии он считает «непохожесть и непредсказуемость, смешение и смещение смыслов, подмену и провокацию».

Чувство трагичности человеческого бытия – важнейшая примета лирической субъективности героя Рюрика Ивнева. Экзистенция, дающая о себе знать в его поэзии, обнажает трагизм человеческого существования, выводит центр этого существования за пределы всех параметров исторического настоящего и тем самым порождает возможность конфликта и со стандартами недавнего прошлого, и с нормами сегодняшнего дня.

Лирический субъект Рюрика Ивнева лишился мира как чего-то целостного в качестве опоры как вне, так и внутри себя:

Может быть, завтра забуду о раскаянии,
Паясничая, как клоун из последнего кабака...
Все возмутительнее и необычайнее
Моя крестьящая рука [15].

Его мало интересуют политические и социальные вопросы, больше всего его терзают экзистенциальные проблемы. Это проблемы, характерные для русской поэзии начала XX в.: одиночество, страх, смерть как освобождение, поиски смысла жизни.

На первый план выходит трагически-рефлексивное одиночество, отчужденность субъекта от действительности, что выражается в таких свойствах его мироощущения, как пессимизм, скептицизм, мятежность, демонизм, нигилизм. Лирический субъект поэта как бы стоит над миром, более того, в немалой степени отстранен от него:

Последний луч и шелест звучный;
Триумф – победа из побед.
Над жизнью мертвенной и скучной
Взлетел мыслитель и поэт [15].

Он предстает в качестве личности-самости, т.е. такого существа, которое утверждает себя (свою свободу) на путях субъективного противостояния миру, отталкивания от него.

Герой манифестирует субъективное углубление внутрь себя. Главное у лирического героя-поэта – неприятие мира как следствие саморефлексии. Окружающий мир получает самые негативные определения-оценки: «мертвенный», «скучный», «огрубелый», «средоточие тьмы и зла». «В этом мире нет счастья», «в этой жизни – все сон», в мире царит «злая толпа», в мире – «все обман», речь может идти только о «безумии мира». Лирика Рюрика Ив-

нева в своей глубочайшей сущности является феноменом самоутверждения с позиции трагедии – разрыва человека с миром.

5. «Солнце во гробе» и «удаленные контексты». Под «удаленными контекстами» В.Е. Хализев понимает литературные традиции, художественный и внехудожественный опыт предшествующих поколений, базисные начала бытия, архетипы, «вечные образы» [13, с. 328]. Авторская стратегия Рюрика Ивнева частично определялась традициями позднего романтизма и декаданса с их мотивами «невозможности овладения высшими ценностями и агрессивности внешнего мира» [9, с. 40]. Автор, продукт измененного сознания, предстает как медитирующий субъект, погруженный в «невыразимое». Как отметила Е. Тырышкина, «основной принцип <...> сводится к декларированию приоритета творческого субъекта над объективной реальностью. Субъект пытается максимально редуцировать объект (внешний мир). Эти отношения и определяют картину мира и систему ценностей, а также креативную стратегию, где по-своему специфичны и генерирование творческой энергии и структура самого творческого акта, принципы формообразования, моделирование адресата. При этом все метафизические категории подменены эстетическими» [9, с. 20].

Литературные традиции, на которые он ориентировался, были обозначены им самим. Это традиции философской лирики Бодлера и Тютчева:

...Я медленно иду на казнь дневного света,
Как прадеды мои – Бодлер и Тютчев – шли.

К этим двум поэтам следует, видимо, добавить С. Надсона, А. Блока, С. Есенина, чье влияние на поэзию Рюрика Ивнева весьма ощутимо. В дневнике он отмечал, что в юности, когда с 1905 г. начал писать стихи, «одновременно находился под влиянием нескольких поэтов – И. Анненского, К. Бальмонта, И. Северянина, В. Брюсова».

Идеалом поэта для Рюрика Ивнева являлся Байрон. Он хотел бы играть в России ту же роль, что и Байрон в Англии:

Хотел бы я быть для родной России
Таким, как ты был для страны своей.
С тобою жить в те годы роковые
В изгнании, среди чужих людей.

Окаменелые законы руша,
С традиций чопорных сорвать печать.
Смотреть в глаза, биенье сердца слушать
И руки теплые в своих руках сжимать [14].

С юности поэт преклонялся перед С. Надсоном, высоко оценивал его поэзию. Уже в зрелые годы он писал: «Надсон – наименее театральный поэт. У него нет ни надуманных сложностей, ни вытянутых из недр души тонкостей, ни технических выкрутасов, ни иконостасных образов, ни модничанья, ни панической боязни простых, человеческих слов, и несмотря на это (а может быть, вопреки этому), у него есть одна вещь. Это – поэзия».

Его крик «крик души» не проведен сквозь фильтр «хорошего вкуса», но, тем не менее, обвинять его в дурном вкусе могут только люди, по горло погруженные в самом настоящем дурном вкусе». Под воздействием его поэзии молодой поэт понял, что «талант писателя именно в том и заключается, что заставляет переживать волнение автора даже в том случае, если сам никогда не испытал того горя, о котором повествует автор».

Что касается архетипов и «вечных образов» в поэзии Рюрика Ивнева, то необходимо отметить, что они буквально пронизывают каждое стихотворе-

ние. Наиболее характерными являются поэт и толпа, шут, лишний человек, пророк, война, смерть, страдание.

6. Контекст восприятия. «Для аналитика и интерпретатора произведений поэта, – как указывает В.Е. Хализев, – важен также контекст их восприятия как современниками автора, так и следующими поколениями: цепь «смыслоутрат» и достраиваний смыслов» [13, с. 328]. Поэтическое творчество Рюрика Ивнева первых десятилетий XX в. не было по достоинству оценено его современниками, но привлекало внимание текущей литературной критики и затем очень редко литературоведения последующих лет. Оно получало на протяжении всего XX в. одностороннюю интерпретацию как поэзия декадентская, далекая от проблем современности. Это было обусловлено социокультурной ситуацией в стране: особой направленностью критического сознания Серебряного века и засильем социологической критики в советский период истории русской литературы. Период до 1917 г. был временем расцвета религиозно-философской и эстетической критики. Тон задавали Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк, В. Розанов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Белый, Вяч. Иванов. Чаще всего для статей названных метров был характерен последовательный, открытый и принципиальный субъективизм. По мнению одного из исследователей истории литературной критики дореволюционных лет, «З. Гиппиус завершала так называемое декадентство. По М. Бахтину, это снятие ответственности творчества как общественного действия, как поступка. Субъективизм этой критики – последовательный, открытый и принципиальный». Поэзия начинавшего тогда творческий путь Рюрика Ивнева развивалась в координатах экзистенциальных и экспрессионистских литературно-эстетических концепций начала XX в. и, казалось бы, должна была получить высокую оценку. Но этого, к сожалению, не произошло. Пример отношения критики XX в. к творчеству поэта весьма показателен для литературы тех лет. Критика не узнала в нем «своего».

Естественно, что в конце XX – начале XXI в. произошло изменение контекста восприятия. Утрата контекста начала XX в. приводит к переакцентировке смысла лирических стихотворений поэта. Сегодня стихи Рюрика Ивнева интерпретируются как философские и психологические. В связи с этим меняется и определение творческого метода поэта: все чаще говорят об элементах экспрессионизма и сюрреализма в поэтике книги «Солнце во гробе».

В **заключение** следует сделать вывод о том, что в сборнике «Солнце во гробе» контексты определяются тремя авторскими стратегиями Рюрика Ивнева: первая, наименее очевидная, идущая от юношеского увлечения неоромантической поэзией С. Надсона, символизмом Ш. Бодлера, А. Блока и представляющая в сильно ослабленном виде, может быть названа декадентской; вторая определяется недавней принадлежностью поэта к эгофутуризму; третья формировалась под воздействия эстетики имажинизма, к которому поэт тяготел в момент создания сборника. Различные виды контекстов Рюрика Ивнева спонтанно, а иногда осознанно были направлены на формирование литературного образа автора, отождествляемого с автобиографическим героем. Темы и мотивы книги концентрируются вокруг гипертрофированно экранированного в тексте «я», становящегося центром поэтического мировоззрения Рюрика Ивнева. Все контексты сложно переплетены и рожают качество стиля, резко выделяющее «Солнце во гробе» на фоне русской поэзии 1920-х гг. и которое можно определить как сюрреализм.

Список литературы

1. Markov V. Russian Imagism: 1919–1927 / V. Markov. – Gissen : Wilhelm Schmitz Verlag, 1980.
2. McVay Gordon. Esenin: A Life / Gordon McVay. – Ann Arbor : Ardis, 1976.

3. Lawton A. Vadim Shershenevich: From Futurism to Imagism / A. Lawton. – Ann Arbor : Ardis, 1981.
4. Piotrovski W. Imazynism rosyski / W. Piotrovski. – Krakow, 1997.
5. Nilsson N. A. The Russian Imaginists / N. A. Nilsson. – Stockholm : Almqvist and Wiksel, 1970.
6. Павлова И. Имажинизм в контексте модернистской и авангардистской поэзии XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Павлова. – М., 2002.
7. Белых А. Ситуация «Рюрик Ивнев». К 120-летию со дня рождения / А. Белых. – Режим доступа: <http://www.netslova.ru/belyh/ivnev.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Иванюшина И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика : монография / И. Ю. Иванюшина. – Саратов, 2003.
9. Макарова И. А. Поэтика и теория русского имажинизма / И. А. Макарова // Русская литература XX века: Школы. Направления. Методы творческой работы : учеб. для студ. вузов. – СПб. : Logos ; М. : Высшая школа, 2002.
10. Tyrysckina J. Любовный аффект в ранней лирике Рюрика Ивнева / J. Tyrysckina // Slavica Wratislaviensia CLV111. – Wroclaw, 2014. – AUWr № 3570.
11. «Короткого, горького счастья всплеск...» Р. Ивнева: принципы означивания и механизмы формирования читательской реакции // Південний архив : Збірник наукових праць. Филологічні науки. – Вып. 40.
12. Тернова Т. А. История и практика русского имажинизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Тернова. – Воронеж, 2000.
13. Колшанский В. Г. Контекстная семантика / В. Г. Колшанский. – М., 1980.
14. Хализев В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М., 2002.
15. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М., 2002.
16. Рюрик Ивнев. Солнце во гробе / Ивнев Рюрик. – М., 1921.
17. Рюрик Ивнев. Дневник. 1906–1980 / Ивнев Рюрик. – М., 2012.

References

1. Markov V. *Russian Imagism: 1919–1927*. Gissen, Wilhelm Schmitz Verlag publ., 1980.
2. McVay Gordon. *Esenin: A Life*. Ann Arbor, Ardis publ., 1976.
3. Lawton A. *Vadim Shershenevich: From Futurism to Imagism*. Ann Arbor, Ardis publ., 1981.
4. Piotrovski W. *Imazynism rosyski*. Krakow, 1997.
5. Nilsson N. A. *The Russian Imaginists*. Stockholm, Almqvist and Wiksel publ., 1970.
6. Pavlova I. *Imazhinizm v kontekste modernistskoj i avangardistskoj poezii XX veka* [The imagism in the context of modernist and avantgarde poetry of the XX century]. Moscow, 2002.
7. Belyh A. *Situacija «Rjurik Ivnev»*. K 120-letiju so dnja rozhdenija [The Situation “Rurik Ivnev”. To the 120th anniversary since the birth of]. Available at: <http://www.netslova.ru/belyh/ivnev.html>.
8. Ivanjushina I. Ju. *Russkij futurizm: ideologija, pojetika, pragmatika* [Russian futurism: ideology, poetics, pragmatics]. Saratov, 2003.
9. Makarova I. A. *Pojetika i teorija russkogo imazhinizma* [Poetics and theory of the Russian imagism]. *Russkaja literatura XX veka: Shkoly. Napravlenija. Metody tvorcheskoj raboty* [Russian literature of XX century: Schools. Direction. Methods of creative work]. St. Petersburg, Logos publ.; Moscow, Vysshaja shkola publ., 2002.

10. Tyrysckina J. *Ljubovnyj affekt v rannej lirike Rjurika Ivneva* [Love the passion in early lyrics Rurik Ivnev]. Slavica Wratislaviensia CLV111, Wroclaw, 2014, AUWr, no. 3570.
11. «Korotkogo, gor'kogo schast'ja vsplesk...» R. Ivneva: *principy oznachivaniya i mehanizmy formirovaniya chitatel'skoj reakcii* ["Short, bitter burst of happiness..." Ivnev R.: principles of signification and the mechanisms of formation of reader's reaction]. *Південний архів: збірник наукових праць. Філологічні науки* [South archive: collection of scientific works. Filologos science]. Vol. 40.
12. Ternova T. A. *Istorija i praktika russkogo imazhinizma* [History and practice of Russian imagism]. Voronezh, 2000.
13. Kolshanskij V. G. *Kontekstnaja semantika* [Contextual semantics]. Moscow, 1980.
14. Halizev V. E. *Teorija literatury* [Theory of literature]. Moscow, 2002.
15. Esin A. B. *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija* [Principles and methods of analysis of literary works]. Moscow, 2002.
16. Rjurik Ivnev. *Solnce vo grobe* [The sun in the coffin]. Moscow, 1921.
17. Rjurik Ivnev. *Dnevnik. 1906–1980* [Diary. 1906–1980]. Moscow, 2012.

«ВИТАЛЬНЫЕ» МОТИВЫ В ПРОЗЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Кузнецова Елена Вениаминовна, кандидат педагогических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: lena_kouznetsova@mail.ru.

В статье рассматриваются «витальные» мотивы – это мотивы, тематически связанные с торжеством жизненной энергии и самой жизни. Благодаря им трагическая, полная неразрешимых противоречий модель мира в произведениях Г. Газданова, сформированная комплексом экзистенциальных мотивов, изменяется: сглаживаются противоречия внутри героя и конфликт между ним и окружающим миром.

Ключевые слова: Гайто Газданов, мотив, картина мира, модель мира, проза

“VITAL” MOTIVES IN PROSE OF GAITO GAZDANOV

Kuznetsova Elena V., Candidate of Pedagogical Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: lena_kouznetsova@mail.ru.

“Vital” motives are motives, thematically connected with the triumph of life energy and life itself. Thanks to them, the tragic, inconsolable, contradictory model of the world in G. Gazdanov's works, formed by a complex of existential motifs, changes: the contradictions within the hero and the conflict between him and the surrounding world are smoothed out.

Keywords: Gaito Gazdanov, motives, world building, universe model, prose

В произведениях Г. Газданова «витальные» мотивы, или мотивы жизни, выражают авторское осознание непреходящей важности того, что составляет смысл человеческого существования, вечных ценностей бытия. Это раскрывает антиномичную природу его прозы, в которой своеобразие художественной картины мира создается напряжением между двумя смыслами, находящимися на разных полюсах. На одном звучат мотивы экзистенциальные, проникнутые идеями бессмысленности и безнадежности человеческого существования, на другом – витальные.

К мотивам, которые мы называем «витальными», в творчестве Г. Газданова относятся мотивы путешествия, любви, счастья, музыки.